

УДК 343

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9040>

ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ «ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ»

О. Л. Васильев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Аннотация: статья посвящена одному из основополагающих начал континентального уголовного судопроизводства смешанного типа, известному как «тайна следствия». Анализируется нравственная основа этого принципа и доказывается необходимость неукоснительного соблюдения принципов уголовного процесса во избежание разрушительных последствий.

Ключевые слова: тайна следствия, принципы, досудебное производство, нравственные начала.

Abstract: the report is devoted to one of the fundamental principles of the continental mixed-type criminal procedure, known as the “secrecy of the investigation”. The moral basis of this principle is analyzed and the necessity of strict observance of the principles of the criminal procedure in order to avoid destructive consequences is proved.

Key words: secrecy of the investigation, principles, preliminary investigation, moral principles.

Для человека, под светлым именем которого на юридическом факультете Воронежского государственного университета проходят традиционные Кокоревские чтения, было «несомненно, что большинство процессуальных норм, определяющих задачи, сущность, принципы уголовного процесса и отношения его участников, отражает нравственные начала, соответствует принципам морали. Это прежде всего касается норм, в которых закреплены принципы уголовного процесса»¹. Действительно, принципы как начала, идеи, от которых не столько в силу государственного принуждения, сколько по их природе нельзя отступать, безусловно, имеют нравственную основу. Ведь принципы вообще, будучи воплощением объективных начал, закономерностей, в своей системной взаимосвязанности, вплоть до взаимопроникновенности, гармонизируют бытие, составляют основу мироздания. Именно поэтому «нарушение» принципа, как любое посягательство на объективно существующую закономерность, неизбежно приводит к определенным негативным последствиям, а в итоге – к разрушению бытия или какой-то его сферы. Следовательно, из принципов уголовного процесса не может быть исключений, а если таковые мы видим в законе, то либо речь идет не о принципах, а о чем-то другом, например о правилах, нормах, правах и т. п., либо имеет место

---

¹ Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 51.

недопустимое законодательное посягательство на принцип, приводящее к разрушению уголовно-процессуальной части нашего бытия.

В системе принципов уголовного процесса, помимо бесспорно признаваемых таковыми, имеются начала, которые не всеми воспринимаются как принципы. В данном случае речь идет о так называемых стадийных принципах, характеризующих смешанную форму процесса. Среди черт современного досудебного производства, оставшихся нам в наследие от инквизиционного типа, выделяется начало тайности, негласности расследования или, как его стало привычно называть, «тайны следствия». И если мы говорим о «тайне следствия» как о принципе, нужно, во-первых, раскрыть его нравственный аспект; во-вторых, доказать недопустимость исключения из него.

Как известно, согласно ст. 161 УПК РФ данные предварительного расследования не подлежат разглашению под страхом уголовной ответственности (ст. 310 УК РФ), о чем основные участники уголовного судопроизводства предупреждаются следователем и дознавателем под расписку. И лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности, однако если такое разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Именно с такими ограничениями должна пониматься и норма, содержащаяся в ч. 4 данной статьи, т. е. следователь, дознаватель или прокурор в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом могут распространить эти сведения исключительно в интересах расследования и без нарушения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

На первый взгляд такое ограничение не имеет нравственной подоплеки, а носит технический характер – для исключения возможностей препятствовать расследованию. Более того, упомянутые нормы вообще могут восприниматься как условия производства предварительного расследования, а не как принцип – ведь из принципа не может быть исключений, а приведенные нормы УПК исключения содержат. Однако критический анализ может привести к иным выводам.

Во-первых, о нравственной основе «тайны следствия» писалось давно и многократно. Вот лишь несколько примеров из разных этапов истории отечественного уголовного судопроизводства. Я. И. Баршев еще до Великой русской Судебной реформы XIX в. писал: «Необходимость отделения следствия предварительного от формального открывается... чтобы следствие не пало на безвинного и честь граждан не страдала от слишком поспешного производства его над ними»². Вот цитата из пореформенных научных источников – М. В. Духовской писал: «Появление публично на

---

² Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 74–75.

суде в качестве обвиняемого само по себе (независимо от того, будет ли обвинен) нелегко; оно причиняет нравственные страдания, может доставить и материальный вред, может повлиять на репутацию, отозваться во всю жизнь. Еще тяжелее, конечно, такое привлечение для невинного. Выставление человека на позорище публичного обвинения... наносят его честному имени такой тяжкий удар, которого следы не всегда изглаживаются и оправданием на суде...»³. А вот слова из уже цитированной книги уважаемых воронежских апологетов нравственности: «Конечно, вступивший в законную силу обвинительный приговор суда так или иначе подрывает честь осужденного. Но до момента вступления такого приговора в законную силу никто не может покушаться на честь обвиняемого или подозреваемого»⁴.

То есть «тайна следствия» несет в себе безусловный положительный заряд добра, бесспорное благо, а значит, абсолютно нравственна – ведь, по словам В. И. Даля, именно нравственное как часть духовного в человеке отвечает за различение добра и зла⁵. Объективность же категории добра доказывается, как это не парадоксально, через субъективное восприятие действительности – «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» (золотое правило нравственности). Ведь очевидно, что никто из нормальных людей не хочет, попав в орбиту уголовного преследования, чтобы об имеющихся в отношении его подозрениях стало известно всем, поскольку информация о начале преследования какого-либо человека неизбежно, ввиду презумпции отсутствия *dolus malus* (злого умысла) у правоохранительных органов, воспринимается людьми как установленный факт преступления и обнаружения преступника. Разглашение таких данных увеличивает нравственные страдания не только самого заподозренного, но и его родных.

Нравственное значение рассматриваемого начала усиливается его системной связанностью с другими принципами уголовного судопроизводства: здесь и принцип презумпции невиновности, требующий при доказывании видеть в любом подозреваемом и обвиняемом честного человека до момента вступления в силу обвинительного приговора; это и принцип человечности (сейчас он в ст. 9 УПК РФ назван принципом уважения чести и достоинства личности); это и принцип публичности, который требует в интересах общества (*pro bono publico*) производить расследование полно, объективно и всесторонне. Но есть еще одно замечательное основополагающее начало, тесно связанное с «тайной следствия», – принцип независимости, который обеспечивается гарантией невмешательства в работу судебных органов (в широком смысле судеб-

---

³ *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1905. Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России : учеб. пособие / авт.-сост. Э. Ф. Куцова. М., 1999. С. 233.

⁴ *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 33.

⁵ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1998. Т. 3 : П.

ных, т. е. в том числе и субъектов расследования, которые по классической модели уголовного судопроизводства относятся к власти судебной). Недаром И. Я. Фойницкий в своем Курсе уголовного судопроизводства в 1912 г. писал: «...для авторитетного применения закона судебной власти необходимо положение независимое, самостоятельное, одному лишь закону подчиненное и свободное от подчинения представителям интересов, ожидающим судебного разрешения, будут ли то интересы частные или публичные. Такое положение... образует самостоятельность судебной власти. Оно распадается на внешнюю и внутреннюю»⁶. А. Ф. Кони писал: «Есть, однако, другой вид давления на судью, от которого его должна ограждать не одна несменяемость, но и другие, нравственные условия исполнения долга. Это давление окружающей среды, выражающееся весьма многообразно, чувствительно и вместе неуловимо, создающее около судьи, в его общественной жизни ту атмосферу, которая стремится властно повлиять на исход его работы по тому или другому отдельному делу или ряду дел. Под видом «общественного мнения» судье указывается иногда лишь на голос «общественной страсти», следовать которому в судебном деле всегда опасно и нередко недостойно. Судья должен стоять выше этого в выполнении своей высокой задачи, основанной не на временных и преходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных началах правосудия. Забывая мудрый совет глубокого мыслителя и юриста Бентама, указывающего, что, исполняя свой долг, судья должен иногда идти против вожелений толпы, говоря себе: «sibilat, at ego mihi plado»⁷, судья, боясь общего неудовольствия, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, может пожелать во мнении пестрого и волнующегося большинства найти легкий и успешный исход для своей заглушенной на время совести и умыть себе руки. Такие судьи бывали, и имена некоторых приобрели себе бессмертие. В одной старой и чудной книге, пережившей века, рассказан процесс, произведенный таким судьей и под влиянием таких указаний. Это было 1872 года назад. Судью звали Понтий Пилат»⁸.

По этому же поводу Л. Д. Кокорев писал: «Для судьи, прокурора, следователя недостойно и недопустимо следовать «общественным страстям» или, говоря иначе, ложному общественному мнению, интересам отдельных лиц, не выражающих общественного мнения. Противодействовать «общественным страстям», которые нередко разжигаются вокруг уголовного дела, необходимо всеми дозволенными средствами и способами и именно потому, что они не выражают общественного мнения»⁹.

---

⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России : учеб. пособие / авт.-сост. Э. Ф. Куцова. М., 1999. С. 122.

⁷ Народ меня осмеивает, но я себе рукоплещу (лат.).

⁸ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А. Ф. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 85.

⁹ Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 59.

Исходя же из общей природы деятельности судьи и следователя, можно утверждать, что «тайна следствия» является в определенной степени гарантией независимости и самих следователей.

Таким образом, мы выявили нравственную основу начала «тайны следствия», которая многократно усиливается нравственной составляющей других взаимодействующих с ней принципов уголовного судопроизводства.

Чтобы доказать принципиальную сущность этого начала, посмотрим, к чему на практике приводит нарушение «тайны следствия» – ведет ли к разрушению системы уголовного процесса законодательное посягательство на него, «благословившее» применение исключений из этого начала. Примеров тому множество – зачем органы расследования разглашали сами или позволяли разглашать средствам массовой информации материалы расследования (иногда в самом начале такового) в отношении известных бывших министров, причем расследование в отношении одного из них закончилось ничем, и он снова был назначен на одну из руководящих должностей? Зачем нужно было позволять распространять информацию о задержании журналиста, о результатах обыска его жилища? Чтобы под воздействием общественного мнения заставить прокуратуру извиняться, а сотрудников правоохранительных органов обвинить в злоупотреблениях? Зачем нужно было подробно раскрывать ход расследования и собираемые доказательства публики по ДТП со смертельным исходом, совершенное известным артистом? С тем, чтобы адвокаты могли устроить шоу, суд жестко наказать запутавшегося человека, а в кассации прокуратура могла заявить о бессмысленности сокращения ему срока лишения свободы, поскольку ухудшившееся состояние его здоровья не позволит ему больше приносить пользу обществу? В результате такой огласки процессы выглядят искореженными, приговоры – искаженными, и как следствие этого, обвиняемые опозоренными, униженными и уже нездоровыми, а общество – непросвещенным и неудовлетворенным судебной системой и судебной властью в широком смысле. Ведь из-за нарушения «тайны следствия» пострадало Правосудие, посягательство на нравственность обеспечило победу злу под прикрытием ложно понимаемых прав на свободу слова, печати, информации. Незыблемость же принципов уголовного судопроизводства создает фундаментальную основу нравственности всего уголовного процесса.

Библиографический список

Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : ЛексЭст, 2001. 240 с.

Головки Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве : от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1905. 448 с.

Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. 224 с.

Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А. Ф. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула : Автограф, 2000. 640 с.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. 579 с.

Хрестоматия по уголовному процессу России : учеб. пособие / авт.-сост. Э. Ф. Куцова. М. : Городец, 1999. 272 с.

References

Barshev Ya. I. Grounds of criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings. M. : Lexest, 2001. 240 p.

Golovko L. V. State participation in criminal proceedings: from «equality of arms» to realistic concepts // State and law. 2020. № 6. P. 107–118.

Dukhovskoy M. V. Russian criminal process. M., 1905. 448 p.

Kokorev L. D., Kotov D. P. Ethics of criminal process. Study guide. Voronezh : University Publishing House, 1993. 224 p.

Koni A. F. Moral principles in criminal proceedings // Koni A. F. Selected works and speeches/ Comp. I. V. Potapchuk. Tula : Autograph, 2000. 640 p.

Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1912. Vol. 1. 579 p.

Textbook on the criminal procedure of Russia: Textbook / Author-comp. E. F. Kutsova. M. : Gorodets, 1999. 272 p.

Для цитирования:

Васильев О. Л. Нравственный аспект «тайны следствия» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 251–256. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9040>

Recommended citation:

Vasilyev O. L. The moral aspect of the «secrecy of the investigation» // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 1 (48). P. 251–256. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9040>

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Васильев О. Л., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора

E-mail: olegleva@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Vasilyev O. L., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Process, Justice and Prosecutor's Supervision Department
E-mail: olegleva@yandex.ru